

А. В. Конева

Трансформация религиозных практик в информационную эпоху

Исследована проблема влияния цифровых технологий современности на трансформации идентификационных и культурных практик. Современная информационная культура во многом определена развитием цифровых технологий, изменение коммуникационного пространства определяет и изменяет многие привычные практики человеческой повседневности. В данном исследовании ставится вопрос, как изменяется религиозное сознание в целом и религиозные практики в связи с распространением Интернета. Анализируются различные научные подходы к проблеме и конкретные религиозные практики. Сделан вывод о том, что дигитальное пространство ставит перед религией не просто вызовы технико-технологического, но и метафизического порядка, заставляя переосмысливать изначальные авторитеты и ценности и, вслед за этим, находить иные способы практик, которые позволили бы религии продолжать быть в Сети, что затрагивает не только идентификационные практики, но и ценностные доминанты культуры.

Ключевые слова: религиозное сознание, религиозные практики, культурные практики, цифровая культура, идентификация, идентичность, миссионерская деятельность, сакральное

Anna V. Koneva

Transformation of religious practices in contemporary digital epoch

The problem of the influence of modern digital technologies on the transformation of identification and cultural practices is investigated. Modern information culture is largely determined by the development of digital technologies, changing the communication space determines and modifies many of usual practices of human everyday life. This study poses the question of changing of religious consciousness in general and religious practices under influence of the spread of the Internet. Different scientific approaches to the problem and specific religious practices are analyzed. It is concluded that digital space confronts religion not just with technical and technological challenges, but also with metaphysical order, forcing them to rethink their original authorities and values and, after this, to find other ways of practice that would allow religion to continue to be on the Net, affects not only identification practices, but also cultural value dominants.

Keywords: religious consciousness, religious practices, cultural practices, digital culture, identification, identity, missionary activity, sacred

DOI 10.30725/2619-0303-2018-4-65-72

Процессы развития техник и технологий существенным образом влияют на социальную жизнь и культуру. Говоря о современных процессах в религиозной жизни общества и функционировании религиозных институтов, мы неизбежно попадаем в совершенно новый «ландшафт» культурных религиозных практик современности – это цифровой ландшафт, сформированный современной информационной культурой. В этом новом ландшафте складываются и развиваются новые виды практик, параллельно развиваются и теоретические рефлексии о том, как взаимодействует цифровая сеть с традиционными религиозными институтами, как она влияет на религиозное сознание и в каком направлении развиваются процессы трансформации религиозных институтов и практик. В данной статье мы рассмотрим основные теоретические подходы, раскрывающие процессы трансформации культуры, и связанные с этим проблемы, затрагивающие религиозное созна-

ние, а также уделим внимание исследованию конкретных религиозных практик в цифровом пространстве.

О влиянии новых технологий на сферу религиозных коммуникаций начали спорить уже в 1990-х гг. Однако технологическая сфера меняется столь стремительно, что даже те гипотезы и исследования, которые были актуальны в начале нового века, сегодня очевидно устарели. Первоначально Интернет виделся исследователям неким новым «божеством», которое угрожает традиционным ценностям и способно ниспровергнуть авторитет церкви. М. Кастельс в 1996 г. писал, что Интернет представляет собой серьезный вызов всем институтам, опирающимся и репрезентирующим традиционные ценности, в том числе и религии [1]. Кастельс исследовал структуры общения и противопоставлял коммуникацию Интернета, основанную на модели all-to-all с иерархической религиозной структурой коммуникации, действующей по модели one-to-all [2].

Действительно, религиозное общение изначально формировалось как вертикальная иерархическая структура в контексте общения человека с Богом, на этой вертикали церковь занимала позицию посредника в индивидуальном или же коллективном общении: при общении снизу-вверх посредником выступала фигура исповедника, при общении сверху-вниз – проповедника. На этой религиозной вертикали коммуникации выстраивалась идея власти и авторитета церкви, и в начале эры Интернет представлялось, что само изменение пространства коммуникации способно эту власть лишить значительной части ее силы. Таким образом, первоначально взаимоотношения религии и новых сетевых технологий исследовались, скорее, в рамках общепарадигмального подхода, и фокус исследований был направлен больше на развитие новых коммуникационных стратегий, чем на саму религию в этом контексте. «До появления современных технических средств сетевого общения удаленная коммуникация по принципу многих со многими была крайне затруднена и практически невозможна. Технологии „Web 2. 0“ позволили организовывать в режиме реального времени массовые обсуждения с множеством независимых участников, территориально отдаленных друг от друга. Они осуществляются на специализированных интернет-ресурсах (форумы, интернет-конференции, вебинары, скайп-сессии и т. п.), на площадке практически любой социальной сети, а также в блогах» [3, с. 86]. Современная коммуникация в Сети трансформирует вертикаль в горизонталь общения, это изменение коммуникации является очевидным изменением и первой точкой фокуса исследований.

С этим связаны исследования трансформации авторитета и образов власти, чрезвычайно значимых для религиозного сознания и институтов. В современности, пожалуй, уже не осталось религиозных организаций, которые не осваивают сетевые коммуникации, а многие религиозные направления начали весьма и весьма активную деятельность по освоению онлайн-пространства. Исследователи интернет-коммуникаций религиозных деноминаций отмечают, что наибольшую активность в использовании интернет-технологий проявляют традиционалистские и даже фундаменталистские организации, такие как индуистские националисты, христианские фундаменталисты и исламские радикальные организации [4]. Все эти организации используют сетевые коммуникации для поддержания и продвижения своего авторитета, Интернет для них – своего рода PR-площадка, где вербуются новые сторонники и активно пропагандируется идеология.

Исследование Х. Кэмпбелл о статусах религиозных авторитетов и их трансформации под влиянием сетевой коммуникации выделяет четыре «слоя» религиозного авторитета и прослеживает

изменение каждого из них. Кэмпбелл изучает, как изменяются под влиянием новых коммуникаций религиозная иерархия, структуры, тексты и идеология [5]. Проведенные ею социологические исследования показали, что в протестантском мире коммуникации в сети Интернет больше поддерживают традиционные авторитеты текстов, иерархов, организаций. Как показывает Кэмпбелл, критические замечания в основном касаются современных ролей пастора или проповедника, и, в некоторых случаях, теологических доктрин, которые связаны с определенными институтами. В целом же пользователи Сети, а Кэмпбелл исследовала тексты христианских блоггеров, одобрительно отзываются и поддерживают авторитеты текстов, групп, доктрин [6, р. 262–268].

Напротив, в католической церкви Интернет скорее оказывается средством для перераспределения властных полномочий, что доказывает исследование П. Аполито, который изучал примеры религиозных откровений [7, р. 17–18]. Аполито выяснил, что мистические откровения обычных людей становятся предметом обсуждения и оказывают огромное влияние на публику, при этом церковь оказывается как бы выключенной из этого процесса, не имея возможности никак цензурировать и контролировать рассказы верующих о являющихся им чудесах. Огромное количество людей, как пишет Аполито, пишет о своих мистических переживаниях, фотографирует чудеса на камеру и размещает эти материалы в Сети. Таким образом нивелируется разрыв между мистическим опытом и повседневным переживанием, и мы вновь сталкиваемся с изменением статуса сакрального, на этот раз не в пространственно-временном, но в метафизическом и эмоциональном смысле.

Первичный опыт любой религии – не вера в Бога или богов, но переживание сакрального [8]. Манифестация сакрального вызывает разные чувства, от ужаса до восторга, и заставляет человека пережить разомкнутость мира [9, с. 14]. Ужас как экзистенциальный опыт есть одновременно и осознание смерти, временности человеческого бытия. Опыт переживания жуткого, о важности которого упоминал еще З. Фрейд [10], сопутствует самому формированию представлений о сакральном, неслучайно первоначальная культурная маркировка топохрона была связана именно с формированием табу. «Опыт сакрального может переживаться в двух модусах – пассивном и активном. В обоих случаях человек имеет дело с таинственной, чуждой его обычным занятиям силой (не обязательно исходящей от божества), но в первом случае он лишь претерпевает ее воздействие, а во втором – пытается целеустремленно управлять ею, провоцировать ее возникновение, избегать ее вредных эффектов», – пишет С. Н. Зенкин, добавляя, что

«в первом случае это опыт мистики, во втором – магии» [11, с. 197].

Религиозное сознание имеет дело с феноменологией (П. Рикер) или иерофанией (М. Элиаде), т. е. с проявленностью сакрального. Как обстоит дело с проявленностью в эпоху цифровой парадигмы?

Анализируя наиболее интересные и эвристически плодотворные теории сакрального, С. Н. Зенкин акцентирует концепт присутствия, который открывается в терминах «разомкнутости мира», «явленного Бытия», «эпифании» (М. Хайдеггер [12] и Х. Гумберхт [13]), он обращается к концепциям Р. Кайуа [14] и М. Годелье [15], указывая на соединенность, сплавленность сакрального с секретным и данным (подаренным). Любопытно, что на протяжении некоторого времени многие исследователи вели речь о «расколдовывании сакрального»: об этом писали Э. Левинас, Р. Бульман и Д. Бонхеффер, П. Рикер. Последний же утверждал, что расколдовывать окончательно сакральное не стоит, поскольку слово должно опираться на священное [16, р. 75]. Рикер называет слово «говорящим словом», которое «определяет нас в большей степени, чем мы его произносим» [16, р. 76], именно тут он видит значение и ценность сакрального, в о-пределении произносящего.

В эпоху «цифры» слово становится всеобщим, право на слово достается любому, кто жаждет высказывания. Специфика сетевого взаимодействия, особенно сетевого взаимодействия в формате web2.0 и, тем более, семантической сети web3.0, в том, что слово может быть у любого, а не только у Бога. Слово, в таком случае, уж точно более не есть Бог. О секретности, равно как и о переживании «жуткого», о чем пишут в отношении сакрального многие авторы, включая З. Фрейда и С. Жижека, в пространстве Сети тоже речи не идет. Сакральное в сети Интернет оказывается действительно «расколдованным», в нем более нет секретов или недоступности, потому что Интернет есть открытое пространство, в нем также утрачено и жуткое, и возвышенное, поскольку облаченное в слова и выставленное на всеобщее обозрение чувство утрачивает высоту, силу и энергию переживания, снижаясь до рационально объясненного высказанного. Статус явленного сакрального, таким образом, переводится в умеренный статус сакрального высказанного или объясненного, нарративные практики в Сети снижают и трансформируют изначальную дихотомию, включая новые «средние элементы».

Таким образом, становится понятно, что дигитальное пространство ставит перед религией не просто вызовы технико-технологического, но и метафизического порядка, заставляя переосмысливать изначальные авторитеты и ценности и, вслед за этим, находить иные способы практик, которые позволили бы религии продолжать быть в Сети.

Исследования религии и ее стратегий и тактик в сети Интернет можно разделить на три этапа, следуя типологии М. Хойсгора и М. Варбурга [17]. Хойсгор и Варбург в работе «Религия и киберпространство» называют эти три этапа «тремя волнами», и утверждают, что первая волна может быть названа футуристической, исследователи были захвачены открывающимися коммуникативными перспективами и полагали, что религия, как остальные социальные и культурные институты, сможет и будет «делать все, что угодно» в новых кибервозможностях. Исследователи второй волны фокусируют свое внимание на трансформации религиозных представлений в пространстве Сети на том, каким образом возникают новые формы, как они развиваются, какие возможности предоставляют и как религиозные институты эти возможности используют. Именно здесь возникают вновь те метафизические проблемы, о которых шла речь выше. Третью волну, как утверждают исследователи, мы можем наблюдать сегодня – это всестороннее изучение того, как функционирует религиозное киберпространство. Религиозное киберпространство начинает пониматься как специфическое поле социокультурных коммуникаций, оно формируется пользователями Сети, и постепенно превращается в новую социальную реальность. Именно изучение этой новой социальной реальности составляет сегодня основной пафос исследований.

Современные исследования различают два вектора существования религии в сети Интернет: «религия онлайн» и «онлайн-религия». Такое разделение обосновывает К. Хелланд: «В настоящее время очевидно различие между религиозными вебсайтами, где люди могут действовать с неограниченной свободой и высоким уровнем интерактивности (online religion) и большинством религиозных вебсайтов, которые предоставляют лишь религиозную информацию, а не интерактивность (religion online)» [18]. Таким образом, Хелланд фиксирует разницу в формах презентации религиозной активности, институтов и собственно религиозного сознания в сети Интернет. Хелланд уделяет внимание большому количеству анализа существующих сайтов в киберпространстве и приходит к выводу, что официальные сайты мировых религий, частных религиозных общин и институтов зачастую являются лишь аватарами реально существующих оффлайновых практик. Однако официальные религиозные учреждения также изменяют свое существование и действие в сети Интернет, явно демонстрируя развитие в сторону большей интерактивности. Но Хелланд настаивает, что различие между онлайн-религией и религией онлайн по-прежнему значительно и является эвристически плодотворным для методологических подходов.

В отличие от официальных религиозных сайтов, которые предоставляют тщательно выверенную, цензурированную и отфильтрованную информацию, сайты, которые мы можем отнести к «религии онлайн» в прямом смысле слова позволяют проживать религиозную практику и жизнь онлайн, осуществлять живую религиозную коммуникацию. К таким сайтам Хелланд относит, например, блоги, некоторые сайты религиозных общин, которые осуществляют онлайн-трансляции и дают своим пользователям возможность интерактивного действия и высказывания. Это разделение поддерживает также Г. Янг: «Если религия онлайн и онлайн-религия рассматриваются как две полярные теоретические точки, то фокусировку на предоставлении информации или на религиозном участии, так же как и онлайн-активность противопоставленную ссылкам на офлайн-институты, можно понимать как два вектора, которые простираются между ними» [19, р. 101]. В современности наблюдается рост интереса к изучению религии онлайн, и это вполне соответствует выделенной Хойсгором и Варбургом «третьей волне».

Изначально Хелланд противопоставлял официальную религию, которая использует Интернет в тех или иных целях, для информирования верующих или для привлечения новых групп верующих, для продвижения имиджа религии или религиозной общины, неофициальным религиозным группам, которые он относил к онлайн-религии. Однако эта точка зрения сегодня кажется весьма уязвимой, потому что с развитием сетевых коммуникаций и возрастающей ролью сетевых сообществ, официальные религиозные организации также стали использовать интерактивный формат. Тот же Янг отмечает, что даже на самых простых и незатейливых сайтах, например, на сайте церкви Конгрегации, уже есть возможность заказать молитву онлайн, равно как и есть возможность онлайн-присутствия на молитве [19].

В 2010 г. Х. Кэмпбелл подвела итог анализу этой дихотомии, выделив четыре актуальные формы существования религии в интернет-пространстве:

- онлайн информационная среда;
- онлайн ритуалы и богослужения;
- онлайн миссионерская деятельность и привлечение волонтеров и жертвователей;
- религиозное онлайн-сообщество [20, р. 6].

Информационная среда, самая первая форма новых религиозных практик, включает в себя и сбор, и распространение информации религиозного характера. Практика информационного освоения Интернета стала наиболее легкой для религиозных организаций, прежде всего потому что она не противоречит основной религиозной идее доступности для всех и каждого. Заметим,

что это еще не современная идея толерантности, но традиционная для религиозного сознания идея равенности всех и каждого перед богом и его открытием или проявлением, в зависимости от типа религии. На одном из религиозных православных информационных порталов мы читаем: «Интернет, как и Христианство, направлен ко всему человечеству – без различения границ, языков и народов. И потому использование сети для Православной проповеди отвечает вселенским задачам нашей веры... Церковь тоже не связана жестко ни с какой идеологией, ни с каким государственным устройством, ни с каким общественным строем. Она везде – и при социализме, и при глобализме, и при маоизме – Одна и Та же. И эта свобода делает интернет очень удобным для проповеди Христианства» [21]. Интернет тут выступает неким «соблазном» вселенской проповеди, для православного сознания – новым видом соборности, в котором без цензуры и контроля государства (якобы) возможно распространение истинного вероучения и трансляции традиционных христианских ценностей.

Информационная деятельность религиозных организаций в сети Интернет, собственно, продолжает внесетевые информационные стратегии. Проводятся конференции и собрания, информация по итогам которых выкладывается в Сети. Ведутся дискуссии, публикуются интервью, записываются видео-проповеди и видео-лекции, которые дублируются как на собственных сайтах организаций, так и на youtube и других видео-хостингах.

В информационной среде очевидна конкуренция религиозных общин, так тот же православный сайт, анализируя плюсы и минусы интернет-представленности церкви, среди плюсов отмечает достаточно высокий образовательный и интеллектуальный уровень пользователей Сети и видит в этом конкурентное преимущество Православной церкви: интеллектуальное лидерство «дает определенный перевес в пропаганде Православных ценностей в интернете. Мусульманские и протестантские сайты пока не заняли такого же веса в общей русскоязычной религиозной интернет-массе, как наши» [21].

Информационные порталы и сайты существуют у всех крупных религиозных организаций, их основная задача скорее просветительская, они расширяют кругозор, направляют в изучении священных текстов, на сайтах всегда есть тексты и комментарии к ним, книги по догматам, а также ссылки на другие ресурсы близкой по звучанию тематики. Почти все сайты дополнены форумами, но эти форумы в большинстве случаев несут формальный характер и жестко модерированы. Огромно количество интернет-библиотек по религиозной тематике, есть сайты с духовной и медитативной музыкой и т. д.

Есть также множество интернет-проектов аналитического содержания, как «Мир религий» (<http://religio.ru>), «Религия и СМИ» (<http://religare.ru>), независимый проект «Церковная журналистика» (<http://church.vsu.ru>), Портал Credo.Ru (<http://portal-credo.ru>) и другие, чьей задачей становятся распространение новостей и анализ религиозной ситуации.

Информационная составляющая может стать и причиной вхождения в моду того или иного вероучения. Так, благодаря интернет-активности, стал весьма популярен буддизм в современной культуре. Буддийские идеи и символы проникли в пространство масс-медиа, фильмов и популярной литературы, зачастую лишившись значительной доли своего изначального, весьма сложного и философски нагруженного содержания. В зарубежных исследованиях сформировалось целое научное направление, изучающее виртуальный буддизм, появились новые термины «киберсангха» (cybersangha) [22] или «блогисаттва» (blogisattva), которые отражают растущее виртуальное присутствие буддизма в Глобальной сети. Ч. Пребиш выделил три типа буддийских интернет-сообществ, ориентированных на религиозную практику. Это, во-первых, веб-страницы, созданные буддийскими группами для удобства коммуникации, во-вторых, «виртуальные храмы», созданные традиционными сангхами для дополнения своих организаций, и, наконец, онлайн-сообщества, не имеющие представительства офлайн. Сегодня эти три типа сближаются и дополняют друг друга, как отмечают исследователи [3, с. 89].

Онлайн-ритуалы и богослужения, виртуальные паломничества, совместные молитвы и духовные практики в Сети – это вариант интерактивной коммуникации. «Важным результатом проникновения религии в Интернет является то, что Глобальная сеть превращается в место осуществления мистических практик, проведения религиозных ритуалов, участия в священных церемониях. А примеров тому предостаточно. Так, в Индии мусульманская религиозная школа „Даруль-Улюм“ признала возможность дистанционного заключения брака в виртуальном пространстве. В США несколько церквей посредством сервиса мгновенных сообщений создали условия молитвы вдвоем с пастором, причастия (причастники вкушают собственные хлеб и вино), исповедования, проведения «онлайн-крещения» [23, с. 181]. Буддийские сангхи тоже являются тому примером, равно как и огромное количество учений, записанных на видео и размещенных в открытом доступе. «На сайте Буддийской традиционной сангхи России пользователь может заказать молебен, указав из предложенного списка цель или цели проведения молебна: за здоровье, выздоровление и долголетие, для обретения ма-

териальных благ, успеха в делах, для обретения счастья и спокойствия, для успешной учебы, сдачи экзамена, для отвращения бед и несчастий, для дальней дороги, для поправления особо сложной жизненной ситуации. Затем указать сумму пожертвования и произвести онлайн-платеж» [3, с. 87].

Использование Интернета ведет к трансформации привычных форм религиозной активности, возрастает массовость, увеличивается «градус» коммерциализации религии. Как отмечают исследователи, последствиями этого становятся и увеличение информационного потока, и возможность возникновения конфликтов (так, фотография сожженного Корана, выложенная в Сеть индийским подростком, вызвала массовые погромы), и возникновение потребительского отношения к сакральному. С другой стороны, введение ритуала в онлайн-пространство возвращает нас к «явленному сакральному», иерофании – сетевая коммуникация позволяет прикоснуться к священному здесь и сейчас, делает чудесное доступным. И хотя коммуникация увеличивает дистанцию, но зато позволяет любому человеку стать частью ритуала в любой момент. «По сути, формируется новое религиозное пространство, где ритуализированные формы активности опосредуются особым рода вещественными атрибутами. На место собора, кабинки для исповеди или купели приходят монитор, камера с микрофоном и различные программы, позволяющие конструировать виртуальные образы, обеспечивать интерактивную связь нескольких участников мистерии в режиме реального времени» [23, с. 183], заключает Е. О. Гаврилов, подчеркивая важность роли новых посредников между божественным и профанным – IT-специалистов, которые отвечают за программное обеспечение, работу камер, звук, доступность ссылок и т. д. Здесь может также иметь место феномен «переноса» – когда верующий наделяет религиозным значением сами интернет-ресурсы, а специфическим информационным фильтром становится некое проецирование – и разделение на «чистые» и «нечистые» информационные источники, на «своих» и «чужих». Обратная тенденция – надделение смыслом «греха» и «искушения» само интернет-пространство, так известны случаи запрета пользования некоторыми сервисами для служителей церкви или верующих.

Новое отношение к пространству Сети как к месту, где осуществляется миссионерская деятельность, возникло относительно недавно. П. Чеонг с соавторами [24] провели исследование контента религиозных сайтов с точки зрения миссионерской деятельности и стремления обосновать религиозную доктрину в глазах пользователей. Авторы выяснили, что мотивацией людей, ведущих миссионерскую онлайн-деятельность является, скорее, негативная мотивация, т. е. стремление

ответить на вызовы современной им культуры, в которой, по их представлениям, нивелируются и обесцениваются ценности христианской религии, вечные ценности Истины, Добра, Красоты. Верующие люди воспринимают современную им действительность как враждебную, не поддерживающую их внутренних исканий, духовной работы, взглядов и ценностей. Это касается как христианских, так и нехристианских верующих. Интернет, таким образом, занимает уникальную нишу – свободного выражения своих взглядов и принципов, места, где верующие люди могут открыто и без цензуры говорить о своих взглядах и критиковать современное им общество, высвечивая его бездуховность, греховность, равнодушие, всеядность и т. д. Но не только личные блоги транслируют миссионерскую деятельность. Исследователи отмечают, что появляются новые приложения религиозного характера, которые становятся проводниками идей: «большинство этих приложений и сервисов строится по аналогии с уже действующими в сети Интернет. Так, появляются „godcasting“ (соединение термина podcasting – создание текстовых аудиозаписей и God – Бог), godtube. com и другие сервисы» [25], относительно недавно появилась «кошерная» поисковая система Koogole, в которой отсутствуют ссылки на нежелательный, с точки зрения иудаизма, контент [26], в 2012 г. анонсирована социальная сеть для мусульман Salamworld, соответствующая нормам шариата [27]. В христианском мире «при помощи сетевых технологий создается особая сфера христианизированного пространства, которая проникает во все аспекты жизни человека. Она охватывает все, начиная от особых новостей, группы общения, брачных сервисов, музыки, видеоигр, книг и заканчивая специальными христианскими продуктами, информация о которых распространяется через Интернет: христианские банки, страховые компании, продуктовые магазины, – и, заключает Е. О. Калмыкова, – это довольно неожиданный результат, поскольку принято считать, что границы в Интернете отсутствуют и любой человек может войти в контакт с любым другим человеком. Но фактически, социальные сети религиозной направленности создают изолированные пространства внутри сети Интернет, из которых люди не выходят в другие сферы» [25]. Это действительно удивительный результат, который подводит нас к следующему феномену религии онлайн – созданию религиозных онлайн-сообществ, которые, как показывают исследования, зачастую являются абсолютно замкнутыми.

В исследовании П. Чеонг, А. Халавай и К. Квон анализируются блоги христиан. Авторы исследования обращали внимание на разные аспекты контента, как текстовые, так и визуальные и аудиальные, и выяснили, что одной из основных мотиваций

христианских блогеров является стремление поделиться своей духовной религиозной практикой [4, р. 110]. Значительный процент контента блогов посвящен ежедневным практикам и аспектам повседневной духовной жизни. Официальные сайты и блоги религиозных организаций также целенаправленно стремятся создать герметичное сообщество, в котором пользователи будут чувствовать свою принадлежность, признание и нужность, иметь возможность самовыражения в кругу людей, которые придерживаются тех же ценностей. Инструменты создания и сплочения религиозных онлайн-сообществ опираются на традиционные схемы поддержания авторитета. Так, анализируя большое количество христианских сайтов в Сингапуре, П. Чеонг подчеркивает, что большинство (почти 40%) сайтов имеют онлайн-галереи фотографий, где представлены лидеры церкви, повседневные события церкви, праздники, причем не только религиозные, но и частные, такие как крестины, свадьбы, конфирмации [24, р. 295]. Также в исследовании отмечается, что в большом количестве случаев прихожанам предоставляются онлайн-записи служб, видео- и аудиопроповеди, в некоторых религиозных организациях имеется форум для общения прихожан. Подобный подход, во-первых, требует довольно много работы по созданию разнообразного и постоянно обновляющегося актуального контента, т. е. очевидно, что религиозные организации специально развивают сайт, ориентируясь на своих виртуальных прихожан. Во-вторых, такой подход, очевидно, дает возможность ощутить присутствие и со-единение с церковью. Подобная работа церкви позволяет сплотить воображаемое религиозное сообщество, дать людям ощущение реального присутствия в пространстве церкви либо позволить церкви проникнуть к ним в дома.

Это удивительный феномен, поскольку такой подход делает сайт религиозной общины предельно светским. Целью сайта не является ни информирование, ни проповедь, ни миссионерская деятельность, но только поддержание общины «живой», несмотря на ее виртуальность. Онлайн-религия в Интернете получает возможность создать вокруг себя целый мир, пронизанный и детерминированный тщательно отфильтрованными ценностями и нормами. «В результате человек попадает в пространство, где нет ничего не христианского: от курсов аэробики до службы знакомств, все отмечено религиозным содержанием. В случае религии, как и в случае других социальных групп, можно наблюдать дублирование уже существующих в реальности социальных структур. Точно так же, как в социальных сетях, например, Вконтакте или Facebook, человек окружает себя теми, с кем знаком в реальной жизни, в религиозных сетях

воссоздаются уже существующие связи и структуры» [25].

Таким образом, выясняется, что между офлайн- и онлайн-стратегиями больше общего, чем различного и что религиозные сообщества в Сети строятся по образу и подобию хорошо известных и функциональных реальных сообществ. «В случае онлайн-религии люди живут религиозной жизнью в сети Интернет и посредством нее. Для тех, кто принимает участие в онлайн-религиозной деятельности, нет никакого разделения между их жизнью и переживаниями офлайн и тем, как они живут и что переживают онлайн. Их религиозная деятельность и мировоззрение распространяется и офлайн, и онлайн. Для тех, кто практикует онлайн-религию, Интернет не представляется „иным“ местом, но воспринимается частью повседневной жизни, на которую распространяются религиозные смыслы и деятельность», – заключает К. Хелланд [18].

Подводя итоги, мы можем констатировать, что цифровая реальность существования религии сегодня является фактом культуры, сформировавшим уже определенное разнообразие новых религиозных практик. Более того, дигитальная реальность оказала существенное влияние не только на формы существования религии и способы практик, но на сущность религиозного сознания, трансформировав существование и понимание сакрального, упразднив дихотомию сакрального/профанного, сместив акценты в представлении о божественном и социальном. Новая парадигма культуры, информационная парадигма, поставила перед религиозными институтами и перед верующими ряд вызовов, как коммуникативных, так и метафизических, что привело к существенной трансформации религиозных практик.

Список литературы

1. Castells M. The rise of the network society. 2nd ed., with a new pref. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p. (The information age: economy, society, and culture; vol. 1).
2. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
3. Актамов И. Г., Бадмыцыренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Педагогика, филология, философия. 2015. № 6. С. 86–91.
4. Cheong P., Halavais A., Kwon K. Chronicles of Me: understanding blogging as a religious practice // J. of media and religion. 2009. № 7. P. 101–131.
5. Campbell H. A. Who's got the power? The question of religious authority and the Internet // J. of computer-mediated communication. 2007. Vol. 12, № 3. P. 1043–1062.
6. Campbell H. A. Religious authority and the blogosphere // J. of computer-mediated communication. 2010. Vol. 15, № 2. P. 251–276.
7. Apolito P. The Internet and the Madonna: religious visionary experience on the Web. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005. 212 p.
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова, Т. Котельниковой. Москва: Дело, 2018. 732 с.
9. Отто Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевича. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 269 с.
10. Фрейд З. Жуткое / пер. с нем. Р. Ф. Додельцева // Фрейд З. Художник и фантазирование. Москва: Республика, 1995. С. 265–281.
11. Зенкин С. Н. Явленное сакральное (numen) // Социол. обозрение. 2011. Т. 10, № 1/2. С. 197–221.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Москва: Ad marginem, 1997. 451 с.
13. Гумбрехт Х.-У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С. Н. Зенкина. Москва: Новое лит. обозрение, 2006. 179 с.
14. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. Н. Бунтман. Москва: ОГИ, 2003. 293 с.
15. Годелье М. Загадка дара / пер. с фр. А. Б. Щербак-овой. Москва: Вост. лит., 2007. 293 с.
16. Ricoeur P. Manifestation et proclamation // Castelli E. (Hg.). Le Sacre: études et recherches: actes du colloque international sur la thématique de la démythisation. Paris: Aubier: Montaigne, 1974. P. 57–76.
17. Religion and cyberspace / ed. by M. T. Højsgaard, M. Warburg. London; New York: Routledge, 2005. X, 207 p.
18. Helland Ch. Online religion as lived religion: methodological issues in the study of religious participation on the Internet // Online Heidelberg j. of religions on the Internet. 2005. Vol. 01.1 Special issue on theory and methodology / ed. by O. Krüger. URL: <http://heiup.uni-heidelberg.de> (дата обращения: 26. 11. 2018).
19. Young G. Reading and praying online: the continuity of religion online and online religion in Internet Christianity // Religion online: finding faith on the Internet / ed. by L. Dawson, D. Cowan. New York: Routledge, 2004. P. 93–106.
20. Campbell H. Religion and the Internet // Issue of Communication Research Trends. 2006. Vol. 25, № 1. P. 4–6.
21. Жогалев А. Православие и Интернет // Благовест: портал православ. газ. 2005. 1 апр. URL: <http://благовестсамара.рф> (дата обращения: 26. 11. 2018).
22. Prebish Ch. S. The Cybersangha: Buddhism on the Internet // Religion online: finding faith on the Internet / ed. by L. Dawson, D. Cowan. New York: Routledge, 2004. P. 135–151.
23. Гаврилов Е. О. Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве: по материалам СМИ // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 28. С. 177–183.
24. The Internet highway and religious communities: mapping and contesting spaces in religion-online / P. Cheong,

P. Hope, P. H. Jessie, S. Huang, I. Casas // *The Information Society*. 2009. Vol. 25, № 5. P. 291–302.

25. Калмыкова Е. О. Христианство в пространстве сети Интернет: место, время, иерархия, авторитет // *Религия и коммуникативные практики: материалы круглого стола Ломоносов–2010: междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых*. URL: <http://religious.life> (дата обращения: 26. 11. 2018).

26. В Интернете появился кошерный поисковик // *Религия и СМИ*. URL: <http://religare.ru> (дата обращения: 26. 11. 2018).

27. В Интернете появится социальная сеть для мусульман // *Религия и СМИ*. URL: <http://religare.ru> (дата обращения: 26. 11. 2018).

References

1. Castells M. *The rise of the network society*. 2nd ed., with a new pref. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell, 2010. 597. Ser. *The information age: economy, society, and culture*; 1.

2. Castells M.; Matveev A. (transl.) *Galaxy Internet: reflections on Internet, business and society*. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. 328 (in Russ.).

3. Aktamov I. G., Badmytsyrenov T. B., Dorzhieva I. Ts. Buddhism on the Internet: methodology of studying virtual religious communities. *Vestn. of Buryat State Univ. Pedagogy, Philology, philosophy*. 2015. 6, 86–91 (in Russ.).

4. Cheong P., Halavais A., Kwon K. Chronicles of Me: understanding blogging as a religious practice. *J. of media and religion*. 2009. 7, 101–131.

5. Campbell H. A. Who's got the power? the question of religious authority and the Internet. *J. of computer-mediated communication*. 2007. 12 (3), 1043–1062.

6. Campbell H. A. Religious authority and the blogosphere. *J. of computer-mediated communication*. 2010. 15 (2), 251–276.

7. Apollito P. *The Internet and the Madonna: religious visionary experience on the Web*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005. 212.

8. Durkheim É.; Appolonov A. (transl.); Kotel'nikova T. (transl.) *Les formes élémentaires de la vie religieuse: totemic system in Australia*. Moscow: Delo, 2018. 732 (in Russ.).

9. Otto R.; Rutkevich A. M. (transl.) *Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2008. 269 (in Russ.).

10. Freud S.; Dodel'tsev R. F. (transl.) *Unheimlichkeit. Freud S. Artist and fantasy*. Moscow: Respublika, 1995. 265–281 (in Russ.).

11. Zenkin S. N. Phenomenon of sacred (numen). *Sociological review*. 2011. 10 (1/2), 197–221 (in Russ.).

12. Heidegger M. von.; Бибихин В. В. (transl.) *Sein und Zeit*. Moscow: Ad marginem, 1997. 451 (in Russ.).

13. Gumbrecht H. U.; Zenkin S. N. (transl.) *Production of presence: what meaning cannot convey*. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2006. 179 (in Russ.).

14. Caillouis R.; Buntman N. (transl.) *Le mythe et l'homme; L'homme et le sacré*. Moscow: Joint Humanitarian publ. house, 2003. 293 (in Russ.).

15. Godelier M.; Shcherbakova A. B. (transl.) *L'énigme du don*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. 293 (in Russ.).

16. Ricoeur P. *Manifestation et proclamation. Castelli E. (Hg.) Le Sacre: études et recherches: actes du colloque international sur la thématique de la démythisation*. Paris: Aubier: Mouton, 1974. 57–76.

17. Højsgaard M. T. (ed.); M. Warburg (ed.) *Religion and cyberspace*. London; New York: Routledge, 2005. X, 207.

18. Helland Ch. Online religion as lived religion: methodological issues in the study of religious participation on the Internet. *Online Heidelberg J. of religions on the Internet*. 2005. 1 (1); Krüger O. (ed.) *Special issue on theory and methodology*. URL: <http://heup.uni-heidelberg.de> (accessed: Nov. 26. 2018).

19. Young G. Reading and praying online: the continuity of religion online and online religion in Internet Christianity. *Dawson L. (ed.); Cowan D. (ed.) Religion online: finding faith on the Internet*. New York: Routledge, 2004. 93–106.

20. Campbell H. Religion and the Internet. *Issue of Communication Research Trends*. 2006. 25 (1). 4–6.

21. Zhogalev A. Orthodoxy and Internet. *Blagovest: portal Pravoslav. gas*. 2005. Apr. 1. URL: <http://blagovestsamara.rf> (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

22. Prebish Ch. S. The Cybersangha: Buddhism on the Internet. *Dawson L. (ed.); Cowan D. (ed.) Religion online: finding faith on the Internet*. New York: Routledge, 2004. 135–151.

23. Gavrilov E. O. Digitized sacred: features of existence of religion in Internet space: according to media. *Vestn. of Kemerovo State Univ. of Culture and Arts*. 2014. 28, 177–183 (in Russ.).

24. Cheong P., Hope P., Jessie P. H., Huang S., Casas I. The Internet highway and religious communities: mapping and contesting spaces in religion-online. *The Information Society*. 2009. 25 (5). 291–302.

25. Kalmykova E. O. Christianity in space of Internet: place, time, hierarchy, authority. *Religion and communication practices: materials of round table Lomonosov–2010: intern. sci. conf. of students, postgraduates and young scientists*. URL: <http://religious.life> (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

26. Internet appeared kosher search engine. *Religion and the media*. URL: <http://religare.ru> (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).

27. Internet will be a social network for Muslims. *Religion and the media*. URL: <http://religare.ru> (accessed: Nov. 26. 2018) (in Russ.).